

На правах рукописи

ДОЛБИНА Ирина Александровна

Художественный концепт *брат* и его языковая репрезентация в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Специальность 10. 02. 01 – «Русский язык»

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск 2004

Диссертация выполнена на кафедре исторического языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Грунина Людмила Петровна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Болотнова Нина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
Сыпченко Светлана Васильевна

Ведущая организация – Алтайский государственный университет

Защита состоится 19 мая 2004 года на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «_15_» апреля 2004г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л. А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Утверждение о взаимосвязанности и взаимообусловленности семантических изменений, происходящих в языке, и человеческого познания стало программным для когнитивного направления в лингвистике, интенсивно разрабатываемого в последнее время. Этим объясняется пристальный интерес психологов (Лурия, Выготский, Леонтьев), психолингвистов (Залевская, Пищальникова и др.), лингвистов (Кубрякова, Караулов) к внутренней речи человека, к процессам порождения речи, к функционированию слова в тезаурусе. В результате изучения этих процессов исследователями была отмечена такая важная тенденция, как «разбухание», расширение значения во внутренней речи, что явилось основанием для выделения единицы речемыслительного уровня – концепта.

В контексте когнитивной парадигмы высказанные ранее идеи А.А. Потебни, касающиеся специфики художественного мышления, художественного познания, поэтического слова, получили второе рождение. Интенсивные разработки когнитивного подхода к анализу художественного текста, ориентированные на выявление семантических универсалий художественного мышления автора в их текстовом воплощении, определили появление концептуального направления в исследовании художественных произведений. В связи с изучением художественного текста в рамках когнитивного подхода актуальным является разработка такого понятия, как *художественный концепт* (ХК) (Аскольдов, Беспалова, Воронинская, Кузьмина, Красных). Многочисленность и разнообразие точек зрения на ряд проблем, связанных с пониманием сущности ХК, его структурированием, методикой анализа ХК, говорит, с одной стороны, о сложности этого явления, с другой - свидетельствует о том, что теория ХК находится в стадии формирования. На настоящий момент отсутствие единого подхода к методике описания ХК требует дальнейших разработок.

Имеется опыт томских ученых (Болотнова, Орлова, Пушкарева, Васильева, Карпенко), исследующих концепты, концептосферы русских поэтов в коммуникативно-прагматическом аспекте. Предложенная ими методика описания ключевых концептов творчества отдельных поэтов строится на анализе АСП слова и АСП текста. В силу специфики прозаического текста методы описания ХК требуют совершенствования и теоретического осознания.

При осмыслении структуры ХК, разработке методики его анализа **теоретическую базу** настоящего исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области:

- *Лингвистики текста* (Ю.М. Лотман, Л.Г. Бабенко, В.А. Лукин, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко);
- *Прагматики* (Ван Дейк Т.А., Степанов Ю.С.)
- *Общей семантики и семантики текста* (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.И. Варшавская, Н.С. Болотнова, Н.А. Купина);
- *Достоевведения* (М.М. Бахтин, Н.Н. Бердяев, В.С. Соловьев, Г. Померанц, В.Е. Ветловская);
- *Лингвопоэтики* (В.В. Виноградов, Б.А. Успенский, В.В. Кожинов).

Объектом исследования является прозаический роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», **предметом исследования** – концепт *брат* в его лексической и композиционно-стилистической экспликации.

Основная **цель** диссертационной работы сводится к описанию лексической и композиционно-стилистической экспликации концепта *брат* в романе «Братья Карамазовы».

Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**:

1. разработать методику подхода к языковому материалу с целью выявления семантического объема концепта *брат* (с учетом полифоничности романной структуры);
2. выявить все морфологические репрезентанты концепта *брат* в дискурсах персонажей и повествователя;
3. рассмотреть особенности парадигматического и синтагматического развертывания морфологических репрезентантов концепта *брат* в пространстве романа;
4. описать индивидуально-авторские смысловые комплексы, актуализированные выделенными текстовыми единицами;
5. раскрыть прагматическую направленность актуализации смысловых комплексов.

Научная новизна диссертации заключается в разработке концептуального исследования на материале прозаического художественного текста, а также методики анализа ХК, учитывающей его многоуровневую текстовую организацию и специфику реализации в художественном целом.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности применения ее результатов в дальнейшем развитии терминологического

аппарата когнитивной лингвистики; разработке теории ХК и методики его описания; познании особенностей мировидения такого писателя, как Ф.М. Достоевский.

Практическое значение диссертационной работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении теоретических курсов по отдельным разделам лингвистики («Лингвистический анализ художественного текста»; «Стилистика художественного текста») и литературоведения, а также при изучении идиостиля и составлении словаря языка писателя.

Методика исследования является комплексной, включающей в себя приемы семантико-стилистического, контекстологического, количественного, сравнительно-сопоставительного анализа языкового материала, а также приема моделирования.

В исследовании использована картотека автора, включающая около 2000 текстовых фрагментов разной протяженности.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы (265 наименований). Объем исследования составляет 194 страницы.

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы докладывались на заседаниях кафедры исторического языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, а также представлялись на региональных конференциях студентов и молодых ученых (Кемерово 2000, 2001, 2002), региональной конференции «Православие – культура – образование» (Кемерово 2000), всероссийской конференции «Религиозность в современной России и православие» (Кемерово 2003).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной проблемы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются ее цель и задачи, перечисляются методы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

Первая глава **«Теоретическая база исследования: терминологический аппарат, методы и приемы анализа художественного концепта»** посвящена рассмотрению специфики когнитивного направления в лингвистике, обоснованию когнитивного подхода к художественному тексту,

теоретической разработке понятия ХК и методики анализа его языковой репрезентации на материале прозаического текста.

Структуральные представления о значении слова, о явлении многозначности оказались недостаточными при все более растущем интересе к языку как «непосредственной действительности мысли» [Лосев 1981], как сфере формирования, бытования и передачи человеческих знаний, что явилось причиной возникновения когнитивного направления в лингвистике, в рамках которого семантика рассматривается как ведущая сила в употреблении языка.

Характеризуя когнитивное направление в лингвистике и указывая на его специфику, многие ученые называют две отличительные черты: во-первых, переключение интересов исследователей с объектов познания на субъект и, во-вторых, смещение интересов в сторону рассмотрения единиц, превышающих микроединицы анализа, изучавшихся ранее [Степанов 1975, Караулов 1987, Человеческий фактор 1991].

Первая тенденция определила смену научной парадигмы, переход к антропологической лингвистике, рассматривающей явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью [Постовалова]. В результате обращения лингвистов к более крупным единицам, чем слово, к «ансамблям значений – семантическим, лексическим, понятийным, ассоциативным полям, лексико-семантическим, тематическим группам - возникла необходимость в выделении единиц иного порядка, семантика которых синтезировала бы денотацию и коннотацию, знания о мире и о познающем его субъекте, коммуникативно значимую информацию: внутрисистемную, прагматическую и этимологическую [Воркачев]. В связи с этим распространение получил термин *концепт*, традиционное логическое содержание которого подверглось пересмотру и психологизации.

Основанием для когнитивного подхода к анализу художественного текста являются: 1) *его собственно онтологические свойства* (во-первых, это коммуникативная природа текстовой деятельности, во-вторых, к ним можно отнести все, что связано со структурированием данного объекта); 2) *идеологическая и гносеологическая природа художественной реальности*; 3) *специфика художественного слова* (язык художественных произведений является максимальной манифестацией национального языка, охватывающей все его реализации в аспекте заключенного в них творческого потен-

циала); 4) *его высокая степень антропоцентризма*. Художественный текст в данном аспекте осмысливается как сложный смысловой знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира [Бабенко 2000]. В связи с этим актуальным явилось выделение единицы ХК, непосредственно связанной с индивидуально-авторской концепцией произведения, с его идейно-тематическим уровнем. В работе ХК определяется как единица сознания писателя, которая связана с индивидуально-авторским осмыслением и образным представлением той или иной сущности предметов или явлений.

Предлагаемая в работе методика анализа ХК в аспекте идиостиля основывается на следующих положениях: 1) на лексическом уровне ХК манифестируется *гиперлексемой* – инвариантной единицей кодирования смыслового содержания, в которой отождествляется ряд однокоренных слов; 2) текстовое структурирование ХК связано с тремя уровнями: уровнем синтактики (синтактика содержит парадигматические и синтагматические характеристики единиц); уровнем семантики, связанным с содержательной стороной выделенных единиц; уровнем прагматики, позволяющим рассматривать знак в его «обращенности» к системе ценностей; 3) смысловое развертывание ХК в прозаическом тексте происходит в 4 текстовых «сферах», которые необходимо учитывать при исследовании языкового материала: план номинации основных персонажей; гипертекст (текст в тексте) как проявление вне-текстовых связей; план идеологии, который позволяет выявить основного носителя концептуально-подтекстовой информации; текстовая ситуация, обращение к которой способствует выявлению композиционно-сюжетных взаимосвязей актуальных смыслов произведения. Исходя из первого и второго положений, на первом этапе исследования анализируется текстовое парадигматико-синтагматическое развертывание морфологических репрезентантов концепта. Далее в качестве основных экспликаторов концептуального содержания контекстологическому и семантико-стилистическому анализу подвергаются следующие функциональные единицы: *субстантивные парадигмы, смысловые ряды, номинативные диаграммы, номинативные блоки*. Выделенные 4 «сферы» реализации ХК определили логику подачи языкового материала.

Во *второй главе «Особенности функционирования номинанта брат в номинативном поле романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»»* исследуется смысловое развертывание номинанта *брат* в одной из зон номинативного поля текста – в наименовании персонажей. В лин-

гвистической практике при изучении номинативного плана произведения используются такие функциональные единицы, как номинативные цепочки (НЦ), номинативные блоки (НБ). При исследовании номинации основных персонажей в работе вводится такая единица, как *номинативная диаграмма* (НД), использование которой учитывает сложность повествовательной структуры романа Ф.М. Достоевского.

Номинативная диаграмма, включающая субъектно-объектную организацию НЦ, представляет собой схематическую «карту» номинативного процесса в соотношении с сюжетно-композиционным уровнем произведения. Построение НД позволило 1) выявить характер взаимодействия между составом НД-м и сюжетно-композиционным уровнем произведения; 2) определить роль коммуникативно-прагматического фактора в формировании семантического объема номинанта *брат*; 3) проанализировать семантические модификации, возникающие при функционировании номинанта *брат* в дискурсах персонажей; 4) рассмотреть номинативные блоки, представляющие собой объединение НД, относящихся к одному персонажу; 5) интерпретировать индивидуально-авторское смысловое наполнение номинанта *брат*.

Функциональная неоднородность номинантов (существование форм 2-го и 3-го лица в номинативных конструкциях) определила различие диаграмм вокативного и десигнативного характера.

Текстовая реализация языковых значений номинанта *брат* имеет свою специфику. Лексикографическое описание языковых значений лексемы *брат* фиксирует два основных направления их реализации: прямую предметно-понятийную направленность (обозначение кровного родства) и вторичную предметно-понятийную направленность (указывающую на какую-л. общность людей). Реализация основного значения наблюдается в дискурсах главных персонажей романа, являющихся братьями (братья Карамазовы). Вторичное значение слова *брат* реализуется при условии, если участники номинативного акта (субъект и объект номинации) не состоят в отношениях кровного родства. Как правило, данная номинация имеет «точечный» характер, т.е. ограничена рамками определенной диалогической ситуации. Отмеченная специфика определяет структурирование частей в данной главе: в I-ой части исследуются особенности функционирования номинанта *брат* в дискурсах главных персонажей романа – братьев Карамазовых (языковой материал здесь располагается по НБ-ам, названных

именами персонажей – номинатов [НБ Алеши, НБ Дмитрия, НБ Ивана]); II-ая часть посвящена анализу специфики функционирования номинанта *брат* во вторичном значении в отдельных диалогических ситуациях. Каждый из отмеченных блоков состоит из 3-х НД-м, соответствующих трем субъектам номинации – два брата за исключением третьего, являющегося объектом номинации, и повествователь.

Анализ трех НБ выявил следующие особенности функционирования номинанта *брат*: 1) смысловая актуализация данного номинанта зависит от занимаемой им позиции в структуре предложения (начало, середина или конец предложения); от его функционально-синтаксической роли в предложении (вокатив или предикат); 2) функционирование номинанта *брат* в качестве предиката указывает на наличие сильной смысловой позиции. Позиция в середине предложения является слабой в отношении смыслового развертывания номинанта: вокатив *брат* сливается в потоке речи персонажа с рядом стоящими словами и по своей семантике приближается к значению, которое в словаре передается как «фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику» [МАС, I т.]. Сильными позициями, создающими условия для расширения смыслового объема номинанта *брат*, являются позиции начала и конца предложения.

Смысловый объем номинанта *брат* в дискурсах главных персонажей получает разное наполнение. В качестве примера рассмотрим НД, входящую в номинативный блок Алеши:

НД – 1. Номинатор Дмитрий.

а) Гл. Исповедь горячего сердца. В стихах.

, Алеша, // , брат, // ангел // высший // если друг, если **брат?** // , Алеша: // , Алеша, // Леша, // - друг, друг, //, брат, //, брат, //, брат, //

б) Гл. Исповедь горячего сердца. В анекдотах.

, брат, //, брат, //, Алеша, //, милый, //, голубчик, //, брат, //- Алешка, //, брат, //

в) Гл. Исповедь горячего сердца. Вверх ногами.

Алеша, //, Алеша, //, Алеша... //, невинный ты мальчик, //, Алексей, //, брат, //, Алексей, // Алеша, //

(Итого: Леша – 1 ед.; ангел – 1 ед., высший – 1 ед., голубчик – 1 ед.; милый – 1 ед.; Алешка – 2 ед.; друг – 3 ед.; Алексей – 3 ед.; Алеша – 8 ед.; брат – 10 ед.).

г) Гл. Гимн и секрет.

, Алексей, //, Алексей, //, божий ты человек! //, брат, //, Алеша, //, брат, // **Брат**, //, Алексей, // Алеша, // херувим //, Алексей. //, Алеша, //, Алексей, //, милого мальчика, //, брат, //, голубчик, //, Алексей, //, Алеша, голубчик, // херувим // высший человек // Алеша, //, Алексей, // ты как совесть // - Алеша, голубчик, //, голубчик, // - Алеша, //

(Итого: божий человек – 1 ед.; высший человек – 1 ед.; херувим – 2 ед.; голубчик – 4 ед.; брат – 4 ед.; Алексей – 7 ед.; Алеша – 7 ед.)

д) Гл. Обе вместе.

, брат, //

е) Гл. Еще одна погибшая репутация.

// человек, которого и я люблю, // тот человечек, братишка мой милый, //, брат, // Алеша, // Голубчик Алешка, //, Алексей! //, Алексей, //

(Итого: Алеша – 1 ед.; братишка – 1 ед.; Алешка – 1 ед.; голубчик – 1 ед., брат – 2 ед.; Алексей – 4 ед.).

Ключ к интерпретации смыслового объема номинанта *брат* в речевом плане Дмитрия дают случаи его употребления в сильных позициях. В дискурсе Дмитрия зафиксировано два случая нахождения вокатива *брат* в сильных текстовых позициях: 1) . «Видишь, я давно хотел тебе многое здесь, в этих облезлых стенах выразить, но молчал о главнейшем: время как будто все еще не приходило. Дождался теперь последнего срока, чтобы тебе душу вылить. **Брат**, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек!» (гл. «Гимн и секрет»); 2) «Слушай, Алеша, слушай, **брат**. Теперь я намерен уже все говорить. Ибо хоть кому-нибудь надо же сказать. Ангелу в небе я уже сказал, но надо сказать и ангелу на земле. Ты ангел на земле. Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь...А мне того и надо, чтобы меня кто-нибудь высший простил. Слушай: если два существа вдруг отрываются от всего земного и летят в необычайное, или по крайней мере один из них, и пред тем, улетаая или погибая, приходит к другому и говорит: сделай мне то и то, такое, о чем никогда никого не просят, но о чем можно просить лишь на смертном одре, - то неужели же тот не исполнит...если друг, если **брат**?» (гл. «Исповедь горячего сердца»). В сюжетно-композиционном отношении именно с обращения «Брат» Дмитрий начинает «исповедоваться» Алеше. Два случая ситуационного совпадения номинанта-вокатива с началом «исповеди» позволяют засвидетельствовать определенную тенденцию в использовании номинанта *брат* в дискурсе Дмитрия, а также в интерпретации данного речевого факта задействовать богословско-христианскую традицию понимания слова *брат*.

Функционирование номинанта *брат* в роли предиката реализуется в следующем контексте: «...то неужели же тот не исполнит...если друг, если **брат?**» (гл. «Исповедь горячего сердца»). Контекстуальная связность и единая референтная соотнесенность предиката *брат* и образных номинантов (*друг, рыбка золотая, херувим, ангел, высший человек, божий человек*) позволили рассматривать последние в качестве образных составляющих номинанта *брат*, отражающих эмоционально-оценочное восприятие Алеши Дмитрием. Предикативное функционирование образных номинантов репрезентирует спектр «признаков» объекта номинации, переводя «безличный» концепт *брат* в пространство личностных смыслов в дискурсе персонажа. Образный номинативный ряд указывает на воплощение в образе Алеши черты житийного героя (на несомненную связь личности Алеши с образом одного из самых почитаемых на Руси житийного персонажа – Алексея, человека Божия, – указывают исследователи [Дунаев], [Ветловская]).

По намеченной модели рассматриваются все остальные НД, составляющие три НБ основных героев и НБ, в которых номинант *брат* реализуется во вторичном значении. Проведенный анализ данного языкового материала позволил прийти к следующему выводу: все отмеченные особенности номинации персонажей (динамика номинации Дмитрия и наличие «подвижной» системы номинации Ивана Карамазова в дискурсе повествователя; отсутствие номинанта-вокатива *брат* в процессе взаимнономинации в речевых планах Дмитрия и Ивана; появление номинанта *брат* в дискурсе Ивана в кульминационный момент, связанный с осознанием собственной виновности за убийство отца; использование двусоставного наименования (*брат + имя собственное*) в качестве вокатива; наличие широкого спектра образных единиц, создающих «номинативные портреты» главных персонажей, и т.д.) и наблюдаемые смысловые расширения номинанта *брат* определяются идеологическим комплексом романа – идеей единения и мысли о виновности каждого «за все и за вся».

Глава третья «Интертекстуальная связь романа «Братья Карамазовы» с библейской легендой об Авеле и Каине как одна из сфер смыслового развертывания концепта *брат* в идиосфере Ф.М. Достоевского» посвящена анализу языковой репрезентации библейской легенды в романе с целью описания индивидуально-авторских смыслов, возникающих в процессе интегрирования образных систем двух

кающих в процессе интегрирования образных систем двух взаимодействующих текстов, которые определяют идиосферу ХК *брат*.

Репрезентация одного из фрагментов библейской истории, занимающего сильную текстовую позицию, актуализирует ключевую единицу и ключевую фразу. Ими являются единица «сторож» и фраза «Сторож я, что ли, брату моему Дмитрию?». Мотив сторожения, как показал анализируемый материал, связан с ключевой библейской фразой и ключевым словом.

Концептуализация ключевого слова *сторож*, превращение его в образную единицу происходит за счет парадигматико-синтагматического развертывания, соотнесенности с мотивами «дитя», «слова», а также актуализации семантического компонента, который можно определить как «ответственность за другого человека». Данное наблюдение позволило утверждать, что в основе концептуализации лежит сквозное усиление смыслов философско-обобщенного характера.

Особая роль в концептуализации единицы *сторож* принадлежит субстантивной парадигме *сторож – нянька – дядька*, выделяемой на имплицитном уровне текстового развертывания библейской легенды. Смысловая связь единиц данного ряда поддерживается общностью текстовых ситуаций (ситуации характеризуются наличием персонажа, положение которого требует определенной помощи, и персонажа, в силах которого оказать данную помощь), контекстно-синонимическими отношениями и наличием общей узуальной семы «надзор, присмотр». Дифференциальная сема «ребенок», содержащаяся в семантике единиц *нянька*, *дядька*, определяет актуализацию парадигматическим рядом мотива «ребенка, дитя». Активизированные мотивом «дитя» семантические компоненты *виновность*, *ответственность* «за все и за вся» определяют индивидуально-авторское наполнение единицы *сторож*.

Образ *сторожа* представляет собой сюжетно-композиционное развертывание поведенческого плана идеальной модели личности, заданной в поучениях старца Зосимы. Индивидуально-авторский смысловой комплекс, стоящий за данным образом, на наш взгляд, формирует в сознании читателя: а) идеальную поведенческую модель человека, характеризующуюся чувством ответственности за «все и за вся»; б) идею преодоления зла посредством изменения определенных стереотипов сознания и поведения, препятствующих этому процессу, и воспитания в себе «деятельного» отношения к проявлениям зла.

В контексте этих размышлений система «сторожения» получает особое значение. С помощью данной системы, включающей в себя так или иначе всех действующих персонажей романа, решаются такие художественные задачи, как: а) реализация на сюжетно-композиционном уровне идеи «виновности»; б) задействованность каждого героя романа в позиции персональной ответственности за совершившееся зло. Вместе с тем, помимо отмеченных художественных задач, решается задача экзистенциального плана: система «сторожения» позволяет автору апеллировать к читателю, который в своем жизненно-деятельном «пространстве» будет руководствоваться идеей собственной виновности и ответственности и тем самым участвовать в строительстве нового «братства».

В результате соотнесения сюжета о братьях Карамазовых с библейской историей об Авеле и Каине начинает актуализироваться архаическая информация, содержащаяся в слове *брат*, которая связана с религиозно-мифологическим представлением о том, что все люди – братья.

В *четвертой главе «Концептуализация лексем **братья** и **братство** в системе художественного целого»* рассматривается индивидуально-авторское смысловое наполнение морфологических репрезентантов *братство* и *братья* анализируемого концепта. Понятие *братство* получает тематическую разработку в поучениях старца Зосимы. Результаты анализа парадигматико-синтагматического текстового развертывания данной единицы показали, что смысловой объем понятия *братство* в религиозно-философской картине мира старца формируется тремя ключевыми идеями: *единения*, *«виновности за все и за вся»* и необходимости страдания в процессе обретения истины (данная идея заключена в евангельской цитате, вынесенной в эпиграф к роману, смысл которой условно обозначен в нашей работе «законом *пшеничного зерна*»). Реализация этого идеологического комплекса в сюжетно-композиционной структуре романа определяет семантическую модификацию текстовой единицы *братья*, вынесенной автором в заглавие, которое является сильной текстовой позицией: смысловой объем данной единицы, трансформируясь, расширяется до смыслового объема понятия *братство*. Такое смысловое расширение актуализирует метатекстовую категорию собирательности, связанную с «реанимацией» семантических конфигураций данного слова, утраченных им в диахроническом срезе языковых изменений. Данные выводы позволили интерпретировать факт неоправданного использования в речевых планах братьев

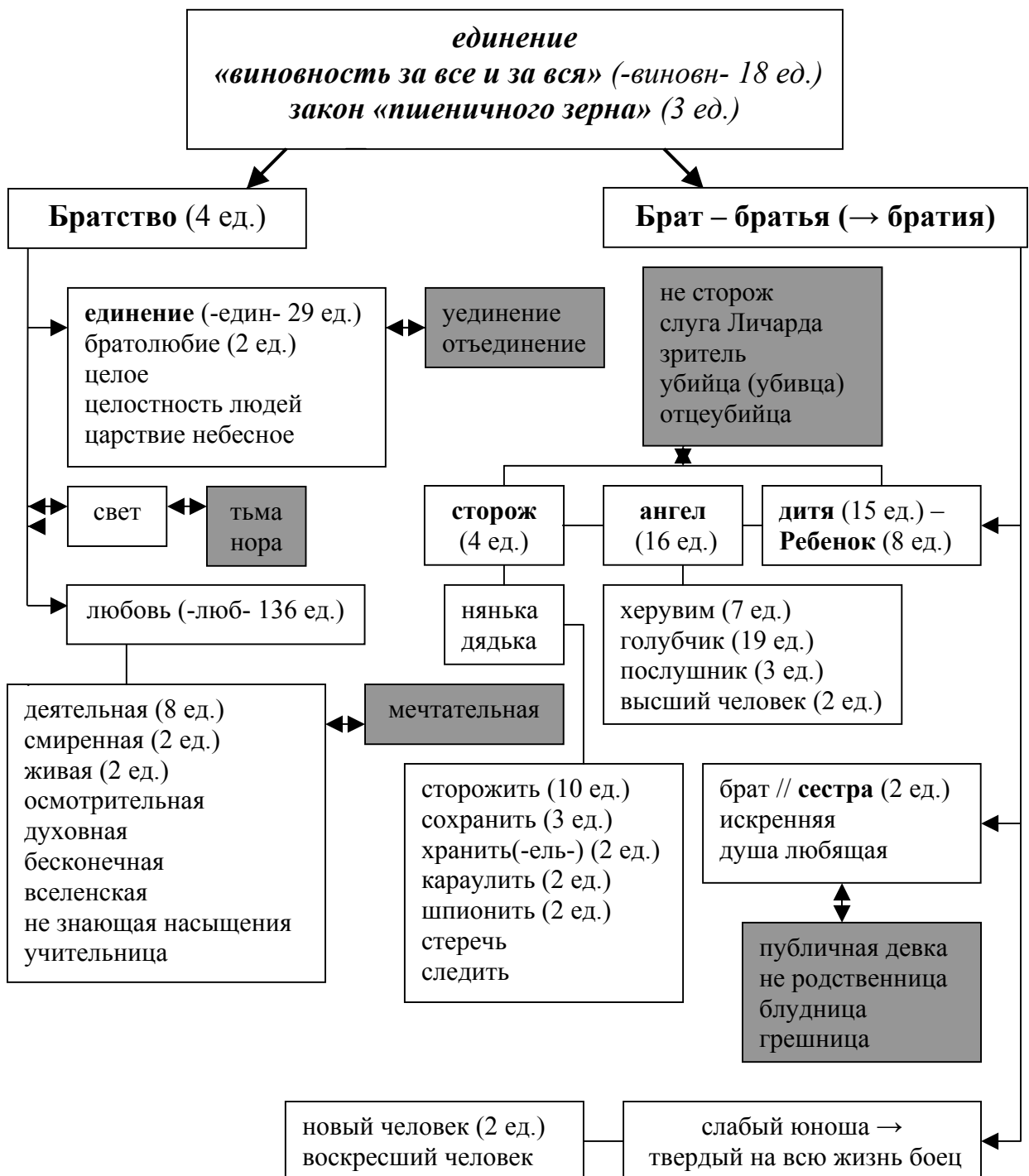
Карамазовых, с точки зрения языковой нормы, двусоставной номинативной единицы «брат+имя собственное». В ключе главной проблемы романа (проблемы человеческого единения) номинант *брат*, сохраняя свои основные языковые значения, перерастает в знак еще не реализованного в действительности братства. Братство – это тот «возможный мир», та реальность, на которую указывают знаки, представленные во всем тексте романа.

Результатом рассмотрения парадигматического и синтагматического текстового развертывания, поэтической нагрузки и индивидуально-авторского смыслового наполнения морфологических репрезентантов ХК *брат* может служить модель его ядерной зоны.

Моделирование ядерной зоны концепта *брат*, аккумулирующей его индивидуально-авторское смысловое наполнение, строится по результатам проведенного исследования, показавшего, что ведущая роль в ее смысловой организации принадлежит *идеологическому уровню* произведения. Само ядро имеет определенную иерархию, где центральное место занимают три ключевые идеи [см. выше]. Основанием отнесения данных идей в центральную часть ядерной зоны концепта явились принцип повтора, а также их соотнесенность с текстовыми ситуациями и событиями (сюжетно-композиционный уровень); системой персонажей и иерархией образов (образный уровень).

Указанный идеологический комплекс, заключая в себе динамический и теологический моменты, определяет индивидуально-авторское смысловое наполнение единиц *братство*, *брат* (*братья*) в пространстве художественного целого, являющихся морфологическими репрезентантами концепта. Наблюдение над парадигматико-синтагматическим развертыванием данных единиц в пространстве художественного целого позволило утверждать, что основная роль в организации индивидуально-авторских смыслов рассматриваемого концепта принадлежит текстовым субстантивным парадигмам. Данное утверждение определило принцип моделирования концепта: в качестве опорных структурных элементов модели представляют субстантивные парадигмы. Представленная модель [схему см. ниже] позволяет утверждать, что столь привычные для языкового сознания единицы *брат* (*братья*), *братство* в пространстве художественного целого получают новое «рождение» за счет уникальных смыслов, определяемых философско-религиозной теологией писателя.

Модель ядерной зоны концепта *брат*

В **заключении** работы подводятся итоги и намечаются перспективы исследования. Осмысление художественного текста в когнитивном аспекте как сложного смыслового знака, который выражает знания писателя о дей-

ствительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира, позволило современной лингвистике включить в свою компетенцию интерпретацию индивидуально-авторской концепции. В связи с этим актуальным явилось введение единицы речемыслительного порядка – художественного концепта. Под ХК нами понимается единица художественного сознания писателя, которая связана с индивидуально-авторским осмыслением и образным представлением той или иной сущности предметов или явлений.

Анализ языковой репрезентации ключевого концепта *брат* в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» позволил выделить гиперлексе-му – инвариантную единицу кодирования смыслового содержания, в которой отождествляется ряд однокорневых слов. В связи с этим лингвистический анализ, в первую очередь, был направлен на выявление морфологических репрезентантов концепта.

Из всех представленных в романе морфологических актуализаторов концептуальную значимость получают только три единицы: *брат*, *братство*, *братья*. В силу специфики их функционального потенциала парадигматико-синтагматическое развертывание данных единиц реализуется в определенных текстовых «сферах». Так, единица *брат* реализуется в номинативном плане произведения, а также в системе интертекстуального диалога романа «Братья Карамазовы» с библейской историей о Каине и Авеле; единица «братство» в качестве идеологического понятия разрабатывается в поучениях старца Зосимы (идеологический уровень произведения).

Исследование ХК брат опиралось на анализ фрагментов разной лексической структуры. Выделение таких функциональных единиц, как субстантивные парадигмы, смысловые ряды, номинативные диаграммы, номинативные блоки, позволило выйти на описание актуализируемых ими индивидуально-авторских смыслов, являющихся базовой составляющей смысловой структуры ХК.

В результате проведенного анализа смысловое пространство ХК предстает в виде структуры, организованной по принципу поля, в котором выделяются ядерная и периферийная зоны. Смысловый центр ядерной зоны, формируемый идеологическим уровнем произведения, составляют три ключевые идеи [см. выше]. Данный ядерный идеологический комплекс

представляет собой глубинную основу авторской концепции религиозного смысла жизни отдельного человека и общества в целом. Им определяются:

1. парадигматико-синтагматическое развертывание лексических актуализаторов концепта – *братство, брат, братья*, — результатом чего явилась их смысловая трансформация;
2. формирование подтекстовых смыслов, актуализируемых функциональными единицами;
3. движение сюжета (сюжетно-композиционный уровень);
4. особенности номинативного плана произведения;
5. организация системы образов.

Отмечается различие в языковой репрезентации ядерной и периферийной зон концепта: ядерная зона организуется субстантивными парадигмами, представляющими собой «горизонтальный уровень» развертывания идеологического смыслового комплекса в системе художественного целого; периферийная зона – синтагматическими смысловыми рядами, углубляющими текстовое содержание единиц горизонтального ряда и образующими уровень «вертикального» контекста.

Характерной особенностью структурирования субстантивных парадигм в ядерной зоне являются отношения противопоставленности, выражающие систему прагматических оценок писателя.

Субстантивные единицы, обеспечивающие развертывание ядерного смыслового комплекса в перспективе художественного целого, перерастают в образные единицы, организующие ключевые мотивы и систему персонажей (мотив «дитя», «сторожения»).

Индивидуально-авторские смыслы, задействованные субстантивными парадигмами, позволили реконструировать концепцию человеческой личности, реализованную писателем в системе художественного целого, - его представления о должностовании; требования, предъявляемые к личности в деле ее нравственного совершенствования. В связи с этим художественное произведение предстает как система ценностей, организованных ядерными смыслами концепта *брат*.

Таким образом, ключевой концепт *брат* напрямую связан с основной проблемой романа (человеческого единения) и ее художественным разрешением. Поднимая данную проблему в своем творчестве, Ф.М. Достоевский тем самым продолжает культурную преемственность в русской литературе – эту же мысль развивали авторы XI-XII вв. в произведениях

«борисоглебовского цикла», во многих эпизодах «Повести временных лет» [Пауткин 1985]. Постоянство обращения к этой теме, настойчивая проповедь единства свидетельствуют о чрезвычайной остроте нравственного понятия «братства» для русского сознания. В романе «Братья Карамазовы» тема единения получает философско-религиозное осмысление, что свидетельствует об универсализме художественного мировидения писателя.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Долбина, И. А. Языковые репрезентанты концепта *брат* в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Парадигматика в языке и речи. Вып. 1. - Кемерово, 2001. – С. 22-28.
2. Долбина, И. А. Концепт *брат* в соотнесенности с системой персонажей романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вопросы филологии: Сборник научных работ студентов и молодых ученых. Вып. IV. – Кемерово, 2003. – С. 57-61.
3. Долбина, И. А. Педагогические идеи романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Педагогія Ф. М. Достоевского. – Коломна, 2003. – С. 158-159.
4. Долбина, И. А. Поэтика названия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Парадигматика в языке и речи. Вып. 2. – Кемерово, 2003. – С. 37-41.